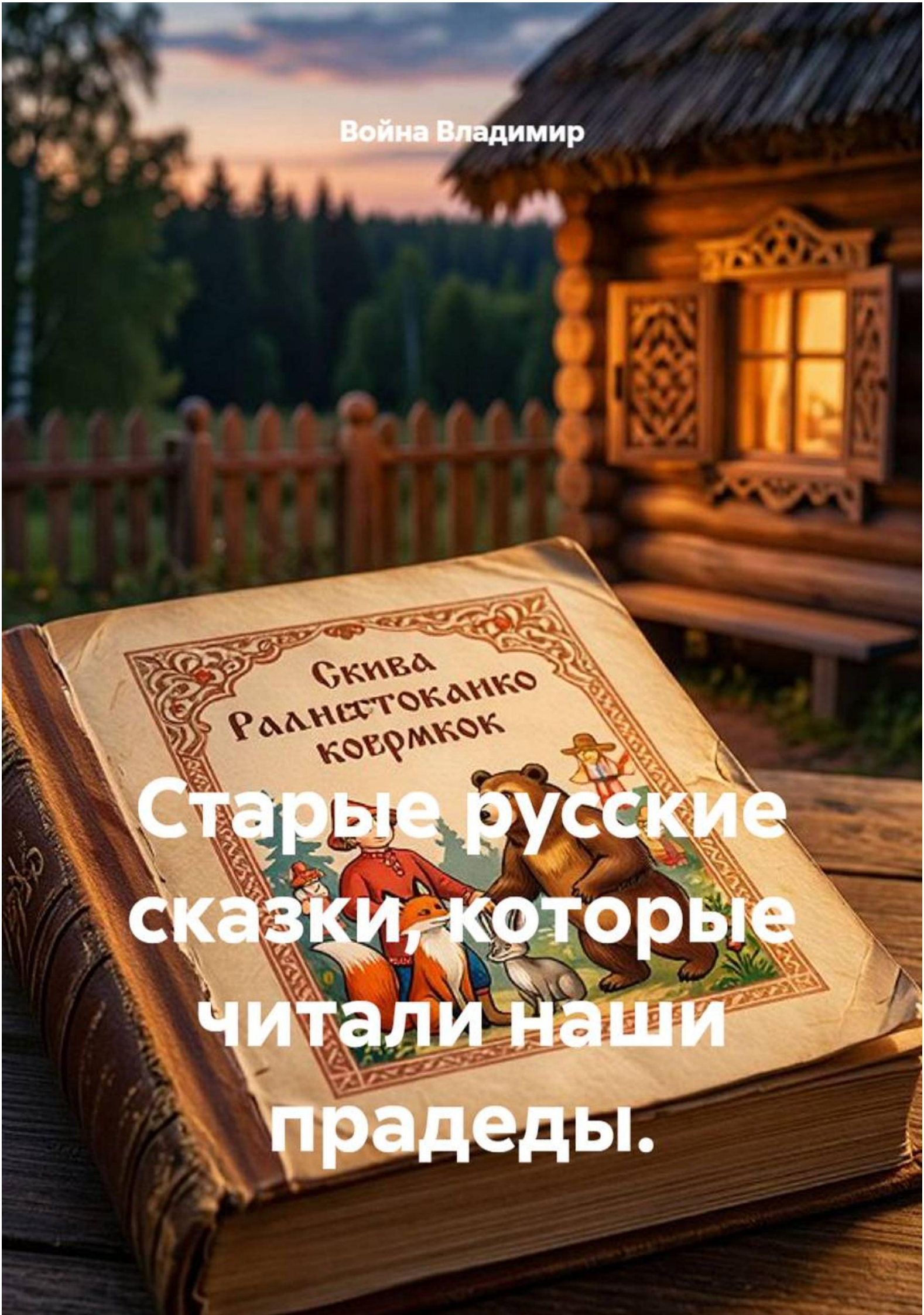
Война Владимир

Старые русские сказки, которые читали наши прадеды.

Война Владимир

Старые русские сказки, которые читали наши прадеды.

«Автор»
2026

Владимир В. В.

Старые русские сказки, которые читали наши прадеды. /
В. В. Владимир — «Автор», 2026

Перед вами — сборник русских сказок, которые читали наши прадеды и прабабушки в конце XIX — начале XX века. Это подлинные памятники детской литературы, бережно переведённые на современный язык, но сохранившие дух и очарование эпохи.В сборник вошли весёлые и поучительные истории: «Иванушка-дурачок», «Лисица и Заяц», «Медведица», «Афоня-дурачок» и «Коломенская жёлтая репка». Это сказки о смекалке и простоте, о хитрости и доброте, написанные сочным, образным языком, который учит детей слышать и любить родную речь.Эти книги — мост между поколениями. Они не только развлекают, но и воспитывают: учат трудолюбию, честности, умению отличать добро от зла и не забывать свои корни. Переведённые на современный язык, эти сказки вновь оживают для новых читателей — и детей, и взрослых, которые хотят прикоснуться к миру, ушедшему, но не исчезнувшему.

© Владимир В. В., 2026
© Автор, 2026

Старые русские сказки, которые читали наши прадеды.

1. Иванушка-дурачок

Жили-были три брата: двое умных, а третий — дурак. Старшие братья дурака хоть и любили, но всё равно ругали, а иногда, если сильно досадит, могли и поколотить.

Однажды пошли братья в поле работать. Старшая невестка говорит дураку:

— Иванушка, я напекла блинов, отнеси их братьям, они уже проголодались.

— Ладно, — сказал дурак.

Невестка положила полный горшок блинов и отдала дураку. Идёт дурак и на свою тень оглядывается: «Что, — думает, — привязался ко мне человек, видать, есть хочет». Вынул дурак блин и бросил своей тени, а сам пошёл дальше. Идёт, а тень сбоку бредёт. «Ну, — думает дурак, — видно, голоден!» Взял сразу три блина и бросил тени. А тень только и стояла, пока Иванушка блины доставал; Иванушка пошёл — и она пошла. Посмотрел дурак, посмотрел, да и стал без счёту тени своей блины бросать. Все разбросал, а тень не отстаёт. «Вишь, ненасытная утроба, всё съел, а не отстаёт!»

Тут дурак с сердцем швырнул в тень свой горшок, а сам побежал. Горшок разлетелся, дурак бежит, а за ним и тень бежит. Вот и прибежал к братьям в поле. Как братья дурака увидели, так работу бросили и стали собираться обедать. А дурак стал им рассказывать:

— Вот так и так: дала невестка отнести вам горшок блинов, а привязался ко мне дорогой человек, да такой прожорливый, что все блины съел. Осерчал я, да в него горшком и запустил!

— Где же он теперь? — спросили братья.

Дурак обернулся:

— Вон, вон! — закричал он, указывая на свою тень. — И теперь не отстаёт!

Тут догадались умные братья, принялись дурака бранить, корить, да с голодухи ещё и поколотили.

Собрался раз старший брат на базар и велел дураку с собой ехать: «Пускай, — говорит, — хоть лошадь подержит». Поехали, всё закупили: и ложки, и плошки, и стол, и соль, и чашки, и всякую всячину. Вот едут домой, уж и близко, и церковь видна. Да нагнал их кум и зовёт старшего брата в свою телегу — слово перемолвить, о делах покалякать.

Старший брат передал младшему вожжи и велел за собой ехать. Вот едет дурак, шапка на затылке, по сторонам поглядывает, рукавами потряхивает. И слышит, что в столе ложки побрякивают: «бряк да бряк». А Иванушке кажется, что ложки приговаривают: «дурак, дурак!» Вот он осерчал и расшвырял их по полю. Откуда ни возьмись — вороньё, кричит: «кар, кар, кар!» «Видно, есть хотят», — подумал дурак, схватил мешок с крупой да и бросил его с телеги воронам: «Кушайте, тётеньки, на здоровье!»

Въехал дурак в лесок, а в лесу стоят обгорелые пни.

— Эх, дяденьки, чай, холодно вам без шапок стоять, — сказал дурак и надел на них по горшку, по корчаге.

Обрядив пни, сел на воз и ну без толку хлестать лошадь. Лошадь заартачилась.

— Сивка, пить, что ли, захотела? — спросил дурак.

Сивка махнула хвостом.

— Ну, пить так пить, — сказал Иванушка и, подъехав к реке, стал Сивку уговаривать воды попить. А Сивка пить не хочет, стоит над водой да ушами прядает. Задумался дурак, отчего лошадь не пьёт, да и вздумал: «Знать, не солоно!» Хвать всю соль, да и бух в воду — только пузыри пошли! А лошадь всё воды не пьёт.

— Ну, ну, ну! Теперь-то я знаю, отчего она не пьёт! Низко, не достаёт, знать, у неё ноги высоки. Постой, Сивка, я тебе маленько ноги подкорочу!

Вот Иванушка выпряг Сивку, взял топор, подошёл к ней, чтобы ноги укоротить. А та умнее его была: как лягнёт его, да бросится по дороге домой — только он её и видел. Присел малый, в силу отдохнул от сивкиного угощения. А посидевши, взял оглобли, впрягся в телегу и потащил её домой.

«Что это, — думает, — против прежнего тяжело стало ехать?» Да вспомнил, что в телеге стол стоит. Выхватил дурак стол и говорит:

— У тебя, брат, четыре ноги, а у меня две — ты скорее меня домой прибежишь!

А стол как стал на ноги, так и ни с места! Зло взяло бедного дурака, схватил он кнут и ну хлестать стол. Бил, бил, из сил выбился, а стол всё ни с места!

— Ладно, — говорит дурак, — захочешь есть, так небось и сам прибежишь!

Скрипит телега по селу, прёт её Иванушка в гору, а пот с него так и льёт! Выглянул брат в окно (приехал уже вперёд с кумом домой):

— Батюшки, да это наш дурак приехал!

— Дурак, где лошадь?

— В лес по ягоды пошла.

— Где покупки, где крупа? Где ложки, горшки да плошки?

— Ложки всю дорогу ругались: «дурак да дурак», я их расшвырял по полю. А крупу тётенькам отдал, горшки с корчагами в лесу на дяденек повздевал. А стол — захочет есть, так и сам прибежит, ведь на четырёх ногах, не ужинавши не ляжет!

Тут братья с жёнами бросились на дорогу отыскивать покупки. Лошадь сама на двор прибежала, стол нашли, горшки с пней поснимали, крупу вороны наполовину расклевали, а ложки одну по одной собирали. С тех пор зареклись братья Иванушку-дурака с покупками посылать.

2. Лисица и Заяц

Жил-был в поле серенький Зайчик, да жила Лисичка-сестричка. Вот как пошли заморозки, стал Зайка линять. А как пришла зима студёная, со вьюгой да со снежными сугробами, Зайка с холоду и вовсе побелел. И надумал он себе избу строить: натаскал лубочков и давай городить хижину да укреплять её.

Увидала это Лиса и говорит:

— Ты, косенький, что это делаешь?

— Видишь, от холоду, избу строю.

«Вишь, какой догадливый, — подумала Лиса. — Давай-ка и я построю избу — только уж не лубочный балаган, а палаты, хрустальный дворец!»

Вот и принялась она лёд таскать да избу класть. Обе избы поспели разом, и зажили наши звери своими домами. Глядит Лиса в ледяное окошечко да над Зайчиком подсмеивается: «Вишь, чернолапотник, какую лачугу сварганил! То ли дело моя: и чиста, и светла, ни дать ни взять хрустальный дворец!»

Лисе зимою всё хорошо было. А как пришла весна по зиму, стала снег сгонять, землю пригревать — тут лисий дворец и растаял, да водою под гору и сбежал! Как Лисе без дому быть? Вот подкараулила она, когда Зайка вышел из своей избы погулять, подснежной травки, заячьей капустки пощипать, прокралась в зайчишкину избу и влезла на полати.

Пришёл Зайчик, толкнулся в дверь — заперта. Подождал маленько и стал опять стучаться.

— Кто там? — закричала Лиса толстым голосом.

— Это я, хозяин, серый Зайчик, пусти меня, Лисонька.

— Убирайся, не пущу, — отвечала Лиса.

Пообождал Зайка, да и говорит:

— Полно, Лисонька, шутить, пусти, мне уж спать хочется.

А Лиса в ответ:

— Постой, косой, вот как я выскочу да выпрыгну, да пойду тебя трясти — только клочья по ветру полетят.

Заплакал Зайчик и пошёл куда глаза глядят. Повстречался ему серый Волк.

— Здорово, Зайка, о чём плачешь, о чём горюешь?

— А как же мне не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисина изба растаяла, водой ушла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина!

— А вот постой, — сказал Волк, — мы её выгоним!

— Навряд ли, Волченька, выгоним, она крепко засела!

— Я не я, коли не выгоню Лису, — зарычал Волк.

Вот Зайчик обрадовался и пошёл с Волком гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, выбирайся из чужой избы! — закричал Волк.

А Лиса ему из избы в ответ:

— Постой, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать — так только клочья по ветру полетят!

— Ой, ой, какая сердитая! — заворчал Волк, поджал хвост и убежал в лес.

А Зайка остался плакать в поле. Идёт Бык.

— Здорово, Зайка, о чём тужишь, о чём плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисина изба растаяла, она мою захватила, да вот и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Бык, — мы её выгоним.

— Нет, Быченька, навряд выгнать её, крепко засела, уж её Волк гнал — не выгнал, и тебе, Быку, не выгнать!

— Я не я, коли не выгоню, — замычал Бык.

Зайчик обрадовался и пошёл с Быком выживать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, ступай вон из чужой избы! — промычал Бык.

А Лиса ему в ответ:

— Постой, вот как слезу я с печи, да пойду тебя, Быка, трепать — так только клочья по ветру полетят!

— Ой, ой, какая сердитая, — замычал Бык, закинул голову и давай улепётывать.

Зайчик сел подле кочки и заплакал. Вот идёт Мишка-Медведь и говорит:

— Здорово, косой, о чём тужишь, о чём плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать! Была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Медведь, — мы её выгоним!

— Нет, Михайла Потапыч, навряд тебе её выгнать, крепко засела; Волк гнал — не выгнал, Бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать!

— Я не я, — заревел Медведь, — коли не выживу Лису!

Вот Зайчик обрадовался и пошёл, попрыгивая, с Медведем гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикеевна, — заревел Мишка, — убирайся вон из чужой избы!

А Лиса ему в ответ:

— Постой, Михайла Потапыч, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя, косолапого, трепать — так только клочья по ветру полетят.

— У, у, у! Какая лютая, — заревел Медведь, да и пустился впритруску бежать.

Как быть Зайцу? Стал он Лису упрашивать, а Лиса и ухом не ведёт. Вот заплакал Зайчик и пошёл куда глаза глядят, и повстречал кочета, красного Петуха, с саблей на плече.

— Здорово, Зайка, каково поживаешь, о чём тужишь, о чём плачешь?

— А как же мне не тужить, как не горевать, коли с родного пепелища сгоняют? Была у меня избёнка лубяная, а у Лисицы ледяная; лисья изба растаяла, она мою заняла, да и не пускает меня, хозяина, домой!

— А вот постой, — сказал Петух, — мы её выгоним!

— Вряд ли, Петенька, выгнать, она больно крепко засела! Её Волк гнал — не выгнал; её Бык гнал — не выгнал; Медведь гнал — не выгнал; где уж тебе совладать!

— Попытаемся, — сказал Петушок и пошёл с Зайцем выгонять Лису.

Как пришли они к избушке, то Петух запел:

«Идёт кочет на пятах,
Несёт саблю на плечах,
Хочет Лиску срубить,
Себе шапку сшить:
Выходи, Лиса, пожалей себя!»

Как заслышала Лиса петухову грозу, испугалась, да и говорит:

— Подожди, Петушок, золотой гребешок, шёлковая бородка!

А Петух кричит:

— Кукареку, всю изрублю!

Вот Лиса просит тоненьким масляным голоском:

— Петенька, Петушок, пожалей старые косточки, дай шубёнку накинуть!

А Петух, стоя у дверей, знай себе кричит:

«Идёт кочет на пятах,
Несёт саблю на плечах,
Хочет Лиску срубить,
Себе шапку сшить:
Выходи, Лиса, пожалей себя,
Не то всю изрублю, исколочу тебя!»

Нечего делать, некуда деваться Лисе: приотворила дверь, да и выскочила. А Петух уже стоит, поджидает. Как увидал Лису, так и зарубил её. Мех взял себе на зимнюю шапку, а мясо воронам кинул. Сам же поселился с Зайчиком, и стали они жить да быть, да добро копить.

3. Медведица

В лесу, под колодой, в берлоге, жила-была медведица с медвежатами. Ещё с осени надрала она мху, постелила постель и залегла на зиму. Как пришла весна, поднялась она добывать про семью свою корм. Медвежатам же строго-настрого наказала не ссориться, не реветь, лежать смирно, да про всё, что услышат, сказывать ей.

— Ладно, — отвечали медвежата.

А как мать ушла, так и вцепились друг в друга, и пошла у них потасовка по всей берлоге. Неподалёку оттуда было зайкино логовище. Вот серенький навострил ушки, слушает: «Что бы это такое было, — думает он, — собаки не собаки, волки не волки, а словно где-то телята орут. Дай пойду поразведаю!»

Вот Зайка, прижав ушки к макушке, пошёл тихонько пробираться по лесу, дошёл до берлоги, глянул в неё и покатился со смеху, увидав толстых неуклюжих медвежат, которые потчевали друг друга оплеухами и ревели во всё медвежье горло.

— Эх вы, дурачьё, — сказал Зайка, плюнув, — только званья, что медвежьи детки, а хуже свиных поросят.

Сказал да как прыснет от берлоги! Ему почудилось, сыр-бор трещит, а это медведица домой идёт.

Вот пришла она сытая, весёлая и стала медвежат спрашивать: не ссорились ли они без неё?

— Куда нам ссориться, мы без тебя всё друг дружку лизали да на ушко сказки сказывали. И всё бы хорошо было, да уж больно Заяц нас разобидел: он нас, твоих детёнышей, обозвал свиными детками и плюнул на берлогу нашу.

Обиделась, рассердилась медведица и говорит:

— Вот ужо, косой, постой, я тебе улью щей на ложку, будешь моих деток поросятами обзывать!

У-у-у! — заревела она и пошла на заячье логово. А серый, задрав уши, понёсся что есть духу в самую трущобу. Медведица за ним, он от неё, она за ним. Он со страху шмыгнул сквозь расколотый грозой кряж, она сунулась за ним, да и завязла! Вот она и туда и сюда порывается, а кряж держит, словно капканом охватило!

Как быть? Вот и слышит она, кто-то по лесу едет да песенки напевает. Это, знать, мужичок из соседней деревни. «Дай, — думает, — пожалуюсь ему, попрошу, иной раз сказывают: у человека на милость образца нет».

Вот как увидела она мужика, и стала его ублажать:

— Добрый человек, выпусти ты меня из проклятой лещёдки, а уж я твоей милости век не позабуду и для первоначала бортью поклонюсь, укажу, где пчёлы привились.

Задумался мужичок: бить или не бить медведицу? Убить её хорошо: первым делом, худая трава из поля вон, да и за шкуру целковых пять дадут. Не убить также хорошо: бортями обзаведусь, пчеловодом буду, мёдом да воском торговать стану и в купцы выйду! «Ну, была не была!» — подумал он, схватил топор и ну расклинивать да колоть. Расщепил надвое, выпустил медведицу. А та ему поклон, да и повела борт показывать. Сама же дорогой говорит:

— Я тебе не одну борть укажу, только ты головушки моей не срами, никому не сказывай, что я, старая медведица, из-за такой дряни, из-за серого зайчишки, чуть было головы не сложила!

Наш мужик на радостях всё обещал, слазил на дерево, мёду нарезал и поехал домой.

Медведицу той порой взяло раздумье: что если мужичок на беду проговорится? Ведь позору не оберёшься, пойдут толки да пересуды. Вот и пошла она за мужиком следом, пришла в деревню, схоронилась за тын и стала слушать. А на дворе у мужика радость, пир горой: ребята хлеб с мёдом едят да отца выспрашивают: «Откуда, тятя, медку добыл?» И жена пристала: «Скажи да скажи, кто борть указал?» Мужичок на радостях всё семье рассказал. Вот и стали они Зайца величать, а над медведицей издеваться.

«Ладно же, свет мой мужичок, — думает медведица, — смешки твои слезами отольются!»

С той поры стала она мужика подстерегать. Вот поехал он раз в поле хлеб сеять. Глядь, а медведица на дороге, ощетинясь, сидит, его поджидает.

— Здорово, медведица! — крикнул он ей.

А та, став на дыбы, реветь:

— Так-то ты своё слово держишь? Добро бы наш брат зверь, а то, говорят, и человек, а лукавишь! Уговаривался, небось, молчать, а как стали дети допытываться, так всё и рассказал? Теперь уж не прогневайся, я тебя за это съем!

Мужик оробел и ну отпрашиваться, ну отмаливаться. А она и слышать не хочет, рычит своё: «Съем!» да и только!

Стала медведица готовиться мужика есть, стала когти точить. Вдруг откуда ни возьмись — стая собак: «Тяф, тяф, тяф!» А за ними охотники: «Паф, паф, паф!»

Тут пришёл конец нашей медведице, и, не доточив когтей, повалилась она мёртвая. Мужичок с перепугу долго хворал и с той поры зарекся щадить лихого зверя да не держать слова. И деткам и внукам говорил:

«Со зверем, не сняв с него шкуры, не мирись. А сам, не дав слова, крепись, а дав слово — держись!»

4. Афоня-дурачок

Жили-были три брата: двое умных, Кирила да Гаврила, а третий — дурачок Афоня. Жили они дружно, и хоть старшие братья меньшого журили, а бить не били: ведь в дураке и Бог не волен, ума к коже не пришьёшь. Ты стели ему вдоль, а он мерит поперёк. Что ни скажет, что ни сделает — всё не по-людски, а по-своему, по-дурацкому разуму!

Вот сидит он раз на завалинке да на своей роже мух бьёт (известно, что на дурака и муха падка). Идёт соседка, ищет ребёнка и говорит:

— Ох, охонюшки, не видал ли ты, Афонюшка, моего Васьки?

— Видел, — говорит дурак.

— Ах ты мой такой-сякой разумный, где же и когда ты его видел?

— А как невестка его била, — говорит дурак, — тогда видел!

— Твоя невестка моего Васютку била! Да за что же это она на него, злодейка, взъелась?

— А вот за что, говорит: по чужим огородам не ходи! Да каково больно била-то, — прибавил дурак, — аж жалко стало.

— А ты чего смотрел, не отнял? — приставала соседка.

— Некогда было, невестка за верёвкой в клеть посылала.

— А на что ей понадобилась верёвка?

— Ваську вязать.

— Ах, батюшки святы!

Тут дурак испугался, что проговорился, и начал бабу просить, чтобы она никому не сказывала, как невестка Ваську била, да на верёвку посадила и отвязывать запретила.

— Афонюшка, золотой мой паренёк, хочешь редечки?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиков с кваском?

— Не хочу.

— Хочешь калачика с медком?

— Хочу, — сказал дурак.

— Так сослужи мне службу, отвяжи ты моего Васеньку, да выведи его ко мне.

— Ладно, — сказал дурак и побежал в хлев.

Долго ли, коротко ли он там возился, а вышел-таки на двор, вытянув за собой чёрного козла Ваську, да и говорит соседке:

— На, возьми, только невестке не сказывай.

Рассердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцепилась Афоне в волоса, да благо невестка вступилась. Баба плюнула на дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

Затеяли раз Кирила с Гаврилой к празднику пиво варить. Сварили, в бочку слили да в погреб бочку спустили. Стала хозяйка пивом хвалиться:

— Ах, кумушка голубушка, какое у нас к празднику будет пиво, сущее диво: не успели в бочку слить, а оно уж бродит и играет!

«Дай-ка, — думает Афонюшка, — погляжу я, как пиво играет, чай, в свайку, в лапту или в чехарду?»

Пошёл, поглядел на бочку и около — пива не видать. Нагнулся к ней и слышит, что в бочке, как в улье, гудит.

«А-а! Так вон оно как играет, — говорит Афоня. — Знать, сердится, что его в бочку заперли. Дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!»

Вот присел наш дурак к бочке и ну тянуть гвоздь. Бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пена брызнула и залепила глаза дураку. Пока он их тёр-протирал, а пиво всё до капли из бочки ушло и залило погреб.

Что делать дураку! Взял кол и ну хлестать по пиву, приговаривая:

— Вишь, глупое, и на простор-то выпустить нельзя, полезай назад, доколе невестка не проведала!

Но пиво не слушалось дурака и в бочку не шло. Рассердился Афоня, забранил пиво, захлестал его пуще прежнего.

На крик дурака сбежались братья, увидали беду, выгнали дурака из погреба. Знать, пословица правду говорит: «С дураками пива не сваришь, а и сваришь, так не разопьёшь».

Пуще же всех осерчала невестка:

— Не хочу с дураком жить; пусть его в люди идёт уму-разуму учиться!

Вот и отдали дурака в заработки, а на тяжёлую работу куда как он был дюж! Гаврила с Кирилой ударили за брата по рукам, выговорили ему харчей вволю, одёжу: зипун, сапоги, шапку да красный кушак, да по три деньги в день. Увезли дурака за тридевять верст. Прожил дурак там без году неделю, соскучился по родной печи, по Жучке, по братьям да по сердитой невестке. Простился с хозяевами, обулся, оделся и пошёл восвояси.

Вот идёт он путём-дорогой. Летит грач, кричит: «Кар, кар, красны сапоги, красны сапоги!» А Афоне показалось, что грач кричит: «Крадены сапоги, крадены сапоги!» Он снял сапоги, бросил их и пошёл далее. Летит синичка, кричит: «Зинь, зинь, зинь!» А Афоне показалось, что синичка кричит: «Скинь, скинь, скинь!» Он снял кафтан и бросил его на дороге, а сам пошёл необутый, неодетый. Погода же стояла куда какая морозная.

Вот пришёл домой. Первая увидела его невестка:

— Здорово, брат Афоня, что больно налегке пришёл? — спросила она. — Где одежда?

— На дороге оставил.

— Что так?

— Да вот так и так, — тут дурак ей всё рассказал.

Баба всплеснула на него руками:

— Эх, Афоня, Афоня, на голове-то густо, да в голове пусто; тебе с твоим умом только пугалом в горохе сидеть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а всё-таки накормили и на печь спать уложили.

Досталась Афоне после крёстного отца корова, скотинка диковинная: съедала в день по копне, а молока давала по ложке. Кирила с Гаврилой решили черняву продать. Услыхал про то дурак, накинул корове на рога верёвку и, не сказавшись братьям, повёл её продавать.

Шёл, шёл, зашёл в лес, а в лесу стоит сухая берёза, покачивается да поскрипывает. Вот, думает дурак, знать, это купец корову торгует:

— Изволь, — говорит, — брат, дёшево отдам.

А берёза пуще прежнего по ветру закачалась да заскрипела.

— Что, аль денег пообождать надо? — спросил дурак. — Изволь, обожду до завтра!

Взял корову, привязал к сухому сучку, а сам пошёл домой. Дома братья переполошились: «Где корова, где дурак?» А соседи им в ответ: «Афоня-де пошёл в лес и корову на привязи повёл».

Вот Гаврила с Кирилой побежали следом за дураком и повстречали его на перекрёстке.

— Где был, куда дел корову?

— Кто? Я? — спросил дурак. — В торгу был.

— А корова где?

— Продал.

— А деньги где?

— Маленько пообождать просили.

— Смотри, дурак, чтоб не обманули!

— А это на что? — спросил Афоня, вытягивая кулачище.

Братья приступили к нему:

— Кому продал, сказывай!

— А я почём знаю? Земляку продал, — твердил Афоня, и больше от него ничего не добились.

На другой день чем свет Афоня встал и пошёл в лес к сухой берёзе. А берёза всё стоит да поскрипывает, коровы же на привязи не видать: должно быть, прохожие взяли либо волки съели.

— Что, земляк, аль ещё обождать? — спросил дурак. — Изволь, так и быть, до завтра подожду, а уж завтра, смотри, на меня не пеняй!

Пришло завтра. Афоня чем свет собрался, заткнул за пояс топор, засучил про запас рукава и пошёл в лес. А берёза стоит да пуще прежнего раскачивается.

— Ну, нет, земляк, не на такого напал, — сказал Афоня, да как хватит берёзу топором: раз, другой, пятый, десятый. Дурак в сердцах так рубит, что щепы за опушку летят. Вдруг из дупла выпала кубышка, а из кубышки посыпались серебряные деньги. А это, вишь, был клад.

Дурак поднял кубышку, собрал деньги и промолвил:

— Ведь говорил я тебе, земляк, что шутить с тобой не стану, кулаков не пожалею, — и пошёл домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.